

таниц, в которой некто обещает божеству Апеннии посвятить ему алтарь, пальму и жертву, если оно поможет ему возвратиться в Рим (ib., № 281).

Прочие надписи. Можно отметить отрывок посвящения консулу 223 г. Росцию Элиану от каких-то лиц из Эмериты (Аёр., 1952, № 115); посвящение квестору Рутилию Нуду в I в. до н. э. от италиков, торговавших в Эгах (Аёр., 1954, № 31); найденное в Ахолле в Африке посвящение Азинию Руфину Валерию Веру Сабиняну, причисленному Коммодом к преторам, консулу, фециалу от почитателей cultore: его дома (Аёр., 1954, № 58); посвящение консулу 127 г. Миницию Фаустину и его сыновьям (Аёр., 1950, № 45); отрывок календаря I в. до н. э. (Аёр., 1949, № 20—22); отрывок консульских фаст 113—116 гг. (ib., № 23); таблица для игры из Лептиса (ib., № 83); бронзовая патера из Амьена с перечислением шести пунктов вала Адриана (Аёр., 1950, № 56); посвящение Помпонию Аттику из Бутрота (ib., № 168); отрывок эпитафии магистра салиев из Албана (Аёр., 1955, № 28); надпись на мозаике, изображающей 5 пьющих богов—отвернемся от пьяниц мы, уже имеющие три маленьких бокала (ib., № 84); эпитафия музыканта из Альтина (ib., № 94); фрагмент посвящения какому-то лицу от клиента его дома из Гиппона (ib., № 149); посвящение знаменитому юристу Волузию Мециану, дающее его cursus honorum из Остии (ib., № 179). Имена медведей на карфагенской мозаике с изображением цирковых зверей (Аёр., 1953, № 145—147); имена быков на ошейнике (ib., № 245); архаические надписи на различных предметах из бронзы (ib., № 216—219); отрывок laudatio Turiae (Аёр., 1951, № 2). Кроме того, опубликованы клейма на мраморных блоках (Аёр., 1949, № 147; 1952, № 82), глыбах свинца (Аёр., 1954, № 225, 226) и серы (Аёр., 1951, № 107), на свинцовых водопроводных трубах¹, клейма военных частей на кирпичках², клеймо на золотой гривне из Бельгии, в котором указывается, что она сделана из пяти унций и стоит 22 000 денариев (Аёр., 1951, № 1). Из граффити можно отметить: посвящения богине Язо и Меркурию на вазах из Галлии (Аёр., 1954, № 38), архаическое посвящение Весте из Самнии (Аёр., 1953, № 157), граффити на амфоре из Милана, содержащей черные масляные (Аёр., 1952, № 155).

Е. М. Штаерман

НОВЫЕ ПЕРЕВОДНЫЕ ИЗДАНИЯ БУДДИЙСКИХ ТЕКСТОВ

Buddhist texts through the ages, newly translated from the original pali, sanskrit, chinese, tibetan, japanese and apabhramsa, ed. by E. Conze in collaboration with I. B. Horner, D. Snellgrove, A. Waley, Oxford, 1954, 322 стр.

A. FOUCHER, *Les vies antérieures du Bouddha d'après les textes et les monuments de l'Inde*, Paris, Presses universitaires de France, 1955, VIII, 370 стр. (Publications du Musée Guimet, т. LXI).

Историческое значение буддизма, как одной из трех, и притом самой древней, мировых религий, до недавнего времени имевшей к тому же наибольшее число последователей, не нуждается в особых доказательствах.

Исследование древней истории Индии и стран Дальнего Востока неизбежно будет неполным и однобоким без внимательного изучения истории буддизма.

Серьезный и общепризнанный вклад в изучение древнеиндийского, особенно северного, буддизма, а также буддизма в Китае, Монголии и Тибете, внесли, начиная с середины прошлого века, русские ученые. Имена Н. Я. Бичурина (Ноакинфа), П. П. Минаева, академиков В. П. Васильева, С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского говорят

¹ Аёр., 1951, № 113, 198; 1954, № 66—73; 170—186.

² Аёр., 1950, № 72, 75, 106, 119; 1951, № 70, 132, 137—140; 1953, № 8, 106, 120, 136—142.

сами за себя¹. Однако с прекращением издания знаменитой *Bibliotheca Buddhica* (1938 г.) намечилось беспорное и ничем не оправданное отставание нашей отечественной буддистики.

В настоящее время, в свете наших крепнущих связей со странами Востока, совершенно ясно, что назрела задача возрождения этой отрасли науки в нашей стране. В этой связи мы хотим обратить внимание читателя на два новых переводных издания памятников буддийской литературы.

Антология, составленная коллективом крупных английских специалистов во главе с Эдвардом Конце, включает большое количество буддийских текстов, заново переведенных на английский язык с языков тех народов, которые исповедывали или до сих пор исповедуют буддизм: с пали, санскрита, китайского, тибетского, японского и др. Переводы буддийских текстов с различных языков в большом количестве издавались и ранее. Более десяти коллекций текстов из священных писаний на языке пали было опубликовано в русском и западноевропейских переводах, в частности на немецком языке вышло довольно полное собрание отрывков из Махаяны, переведенных проф. М. Виттернитцем. Что же касается Тавтр, а также китайских и японских текстов, то они никогда прежде ни на один из европейских языков не переводились. То же самое можно сказать и об огромном количестве текстов, сохранившихся на санскрите. Кроме того, за последние годы буддистика значительно шагнула вперед, что дало возможность делать более точные переводы. Этому способствовали публикации английского Pali Text Society, издававшейся русской Академией наук *Bibliotheca Buddhica*, Asiatic Society of Bengal и его цейлонского филиала (Ceylon Branch), *Bibliotheca Indica* в Калькутте и др. Однако до сих пор отсутствовала исчерпывающая антология буддийских текстов.

Рецензируемая антология безусловно интересна переводами текстов со многих языков, что дает возможность конкретно представить те специфические черты, которые принимало учение в различных странах, исповедующих буддизм. Тексты в сборнике расположены в хронологическом порядке, от более ранних к более поздним, что дает возможность проследить те изменения, которые на протяжении веков претерпел буддизм, развившись из этико-философского учения в церковно-религиозную систему с собственным пантеоном, духовенством и обрядами.

Тексты не снабжены комментариями, поскольку данная антология является как бы продолжением книги Э. Конце «Буддизм, его сущность и развитие», второе издание которой вышло в 1953 г.² и которая может дать читателю ответ и разъяснение по вопросам, возникающим при чтении рецензируемой книги. Большого единообразия добились составители при переводе терминов. В конце книги помещен словарь часто встречающихся в текстах терминов и дан их санскритский эквивалент.

Книга делится на четыре части. В первой помещен перевод текстов Хинаяны (Малой колесницы). Это наиболее древние тексты, представляющие ортодоксальный буддизм, буддизм, так сказать, в его чистом виде. Составительница (I. В. Ногер, ученица Рис-Дэвидса) озаглавила эту часть «Учение старейших». Большинство текстов, помещенных в этом разделе, взято из канона пали. Включены также отрывки из произведений, написанных позже канонических, а также из поздних комментариев. Все эти тексты освещают только одну из многочисленных школ Хинаяны, а именно школу теравадинов. Ни одного отрывка не дано для иллюстрации се остальных семнадцати школ. Составители книги объясняют это тем, что литература данной школы наиболее обширна и доступна, благодаря публикациям Pali Text Society, сами же различия между школами не столь существенны. Материал этого раздела сгруппирован согласно древней, так называемой «буддийской троице» — Будда, учение, община. Однако обычный порядок этой триады здесь изменен так, что сначала идет община

¹ Серьезный интерес к буддизму проявлял Н. А. Добролюбов. Его перу принадлежит большая статья-рецензия о буддизме, опубликованная в «Современнике» (т. 52, 1858 г.)

² E. Conze, *Buddhism, its Essence and Development*, N. Y., 1953.

(самгха), затем учение (дхарма) и лишь в конце Будда. По мнению составительницы, при такой последовательности яснее может быть представлен тот путь, который должен пройти прибегнувший к общине, внявший учению и стремящийся к совершенству Будды. Согласно буддийскому вероучению, монахи и монахини, порвав с миром, вступив в общину и следуя всем ее строгим предписаниям, смогут придти к глубокому и полному пониманию дхармы, с успехом претворить ее в жизнь и таким образом достичь того, что является целью жизни всякого верующего буддиста, — достичь Дальнего Берега за Рекой Жизни и Смерти и вступить затем на сушу Острова Нирваны, т. е. овладеть всеобъемлющей, совершенной истиной. Теперь они «святые», пришедшие к прекрасному концу (стр. 10). Эти основоположения буддийского учения хорошо доносятся до читателя материалом раздела.

Для характеристики Хинаяны наиболее значение имеют тексты под общим и широко известным названием «Трипитака». Составительница широко привлекает эти тексты (*Vinaya-piṭaka*, *Samyutta-nikāya*, *Majjhima-nikāya*, *Dhamma-pada*, *Digha-piṭaka* и др.). Что касается первого раздела — «община» (самгха), то он вызывает некоторое разочарование у читателя: в большом количестве текстов о посвящении в орден тонут конкретные сведения об устройстве и жизни буддийской общины. Напомним, что на русском языке есть прекрасная публикация с переводом И. Минаева «Пратимокша-Сутра, буддийский служебник» (СПб., 1869). Правда, составительницей приведены ценные тексты «Винайпитаки» о положении женских орденов, дающие яркое представление о бесправии женщины в древней Индии. Второй и главный раздел — «учение» (дхарма, или дхамма) подобран наиболее удачно: каждое положение первоначального, раннего буддизма иллюстрируется ценнейшими текстами. Третий раздел состоит из изречений самого Будды и оправданно краток.

Вторая часть книги представляет собой тексты Махаяны (Большой колесницы), которая как бы противостоит ортодоксии (Хиваяне). Новое учение широко распространилось благодаря миссионерству, а также тому, что, в противоположность Хинаяне, не носило характера религии для избранных и приспособлялось к широким массам верующих. Что касается текстов Махаяны, то уже в VIII в. существовала прекрасная антология под названием «Компендиум для изучения» (*Çikshāsamuccaya*), составленная Саптитевой. В 1922 г. появился английский перевод этой антологии, но он был весьма несовершенным. При составлении раздела Махаяны Э. Конце заново перевел все тексты. Были также широко использованы Сутры *Prājñāparāmīta*, очень важные для характеристики этого направления. Составителю удалось преодолеть трудности отбора из огромного количества текстов наиболее характерных отрывков. Развитие основных идей Махаяны показано довольно полно. Хорошо справился составитель и с переводом своих, особенно трудных, текстов. Правда, некоторые термины теряют в переводе свою специфику; например, *jñāna* переводится как *cognition* (знание), *carati* и *caṅgā* как *course* (направление) и т. д. Подобные термины лучше было бы оставить без перевода.

В этой части антологии материал разбит следующим образом: «Основные положения», «Школа новой мудрости», «Буддизм веры» и «Йогаচারу». Этот последний раздел несколько труднее для понимания, чем предыдущие. Все тексты, как указывает составитель, переведены с санскрита, лишь № 148 и 184 переведены — один с китайского, другой с тибетского переводов. Важность этих текстов, оригиналы которых не сохранились, вполне оправдывает такое отступление от общего принципа сборника.

При чтении текстов Махаяны выясняется ее глубокое отличие от Хинаяны. Идеал Хинаяны — собственное спасение — рассматривается махаянистами как низший идеал, а подчас даже как эгоизм, высшим же идеалом объявляется спасение всех живых существ (№ 124, 126, 126, 127 и др.). Характерное для Хинаяны отречение от мира уступает, таким образом, место активному интересу к мирским делам. От Хинаяны махаянистов отличает и отрицание индивидуального «я» и утверждение (особенно у йогачаров) общего абсолютного «я» — трансцендентной реальности (№ 147). С этой последней отождествляется сам Будда, ставший теперь божеством.

В третьей части помещены Тантры, тексты позднего, или так называемого магического буддизма, который представлял собой синтез буддизма и шиваизма. Тантрическая литература огромна и в значительной своей части еще не исследована. До сих пор переводилось лишь очень незначительное количество текстов. Смысл их особенно труден для понимания. Как оформившаяся религиозно-философская система Тантра возникла примерно в V—VI вв. н. э. Буддисты различают Тантру правой и Тантру левой руки. Последователи «Тантры правой руки» чтут бога Шиву, последователи «Тантры левой руки» — его супругу богиню Парвати. Составляя эту часть, Д. Снедгров, специалист по буддийской Тантре, стремился проиллюстрировать основные идеи последователей этой школы¹. Опубликованные тексты ясно показывают отличие школы Тантры от других буддийских школ. В этом отношении большой интерес представляет стихотворный трактат «Сокровищница песен Сарахи» (№ 188), созданный, очевидно, в IX в. Он написан на позднесреднеиндийских диалектах апабхрэнша, однако настолько труден, что составитель опирался и на его тибетский перевод. Ее последователи считают истину предметом внутреннего достижения; ее не найти путем ухода от внешнего мира и умерщвления плоти. Человек является частью этого мира, и он может постичь его, только продолжая жить в нем. Жизнь в миру и называется единством самсары и нирваны, единством, являющимся для последователей Тантры пределом совершенства, в то время как для прочих буддистов высшим идеалом является избавление от самсары и достижение нирваны. Философски это единство выражено в терминах единства мудрости, являющейся совершенным спокойствием, и сострадания, т. е. альтруистической активности. В этом приверженцы Тантры близки к махаянистам. Они в то же время разделяли веру в бесконечное перерождение, что, впрочем, является концепцией, общей для всех буддистов. Последователи этого учения ищут средство к достижению идеала в магических ритуалах, отсюда и название «магический буддизм». В этих обрядах и ритуалах требуется полное подчинение воле учителя и руководителя. Взаимоотношения между учителем и учениками, ритуал единения хорошо иллюстрируется текстом № 189, написанным известным буддийским мудрецом Анангавайрой (Anangavajra). Опубликованные тексты Тантры интересны и в том отношении, что позволяют проследить резкую эволюцию практической морали буддистов.

В последней, четвертой части антологии помещены тексты из Китая и Японии. Составитель этой части — ученый, переводчик и поэт А. Уэйли. Надо сказать, что тексты на дальневосточных языках до сих пор очень редко и в небольших количествах переводились на европейские языки. Составитель этого раздела книги руководствовался при отборе текстов их значением, смысловой доступностью и наименьшей известностью. Материал четвертой части состоит из двух разделов: 1) китайские и японские переводы индийских текстов и 2) оригинальные сочинения, написанные на этих языках. В первом разделе помещены тексты, не сохранившиеся на языках Индии. Как известно, дошедшая до нас китайская буддийская литература по своим размерам сильно превосходит все остальные. В самом деле, количество текстов, сохранившихся на санскрите, не превышает несколько сотен, палийская литература более обширна, однако и она не может сравниться с китайской: на древнекитайском имеется, например, 85 томов одной только Takakusu Tripitaka².

Тексты второго раздела последней части весьма немногочисленны и не могут дать полного представления о развитии и характерных особенностях буддийского учения в Китае и Японии. Тем не менее они весьма важны и интересны, характеризую ранний буддизм в тех странах, где он оказался наиболее живучим и поныне остается живой религией. Оригинальные китайские и японские тексты дают также представление о времени возникновения буддизма и особенностях его развития в этих странах.

¹ Более подробно можно ознакомиться с этими проблемами в книге Д а с г у п т ы «Введение в тантрический буддизм». (D a s g u p t a, An Introduction to Tantric Buddhism, Calcutta, 1950).

² Многие отрывки из этих «питака» вошли, как указывает составитель (стр. 271), в книгу А. Уэйли «The Real Tripitaka and other pieces», L., 1952.

Так, публикуемые в этом разделе тексты говорят о том, что распространение в Китае получила Махаяна; уже в V в. монахи, основывавшие общины хинаянистов, являлись редким исключением и все были выходцами из Индии. Проповедуемое ими учение Хинаяны рассматривалось как ересь (№ 205). В то же время в соседней Индии еще была сильной Хинаяна. Не случайно именно в Китае создано важное махаянистское сочинение — *Vimalakirti Nirdeśa*. Из него составитель публикует отрывок, очень популярный в Китае и Японии и приписываемый Син Цаню, — «С верой в сердце» (№ 211). Интересны тексты, рассказывающие о появлении в Китае в IV в. н. э. первых монахинь и первых женских монашеских орденов (№ 210), и др.

В целом хрестоматия Э. Конце и его сотрудников представляет несомненное достижение английских востоковедов. Она будет полезна и советским ученым, особенно если учесть, что на русском языке отсутствуют переводные антологии буддийских текстов.

*

Вторая рецензируемая книга представляет собой не столько научный, сколько популярный труд — пересказ индийских джатак, иначе говоря — легенд о прошлых жизнях Будды. Автор книги, недавно умерший Альфред Фуше — один из старейших представителей мировой буддистики. Заслуженной известностью пользуются прежде всего его работы в области истории буддийского искусства и архитектуры, основанные на собственных полевых исследованиях¹.

Это благотворное сочетание у Фуше интересов собственно исторических с искусствоведческими наложило сильнейший отпечаток и на его последнюю работу, популяризирующую джатаки не только как памятники древнеиндийской литературы, но и как памятники изобразительного искусства: 47 рисунков в книге, сделанные Ж. Обуайе, хранительницей известного музея религии Гиме, копируют живописные изображения с Бхархутской ступы, пещерных храмов Аджанты и других буддийских памятников, имеющих мировое значение.

Сами джатаки бесспорно представляют собой наиболее популярную составную часть священного писания буддистов (сутрапитаки), популярную как в смысле доступности их содержания массам верующих, так и в смысле знакомства с ними европейских читателей. Если для исследователя буддийской догматики, обрядов, философии джатаки могут явиться лишь второстепенным источником по сравнению с произведениями, образцы которых собраны в первой из рецензируемых книг, то для фольклориста и для историка социально-экономического строя и быта древней Индии значение джатак не может быть оценено слишком высоко и не нуждается в особом пояснении.

Мировая буддистика знает целый ряд переводов и пересказов джатак, полностью и по частям, с рукописей и с публикаций, с пали, санскрита, тибетского, китайского языков. Одним из первых исследователей и переводчиков джатак был И. П. Минаев. Он «перевел или пересказал около половины всех джатак канонического сборника»² (насчитывающего 547 единиц), причем в огромном большинстве случаев пользовался еще не изданными тогда рукописями. Читатель, знакомый с наследием И. П. Минаева, найдет в книге Фуше сравнительно немного совершенно неизвестных ему воплощений бодисатвы и новых сюжетов джатак. К сожалению, рано умершему И. П. Минаеву не удалось собрать свои многочисленные пересказы и переводы воедино, и они остались рассеянными по разным томам «Журнала Министерства народного просвещения» (тт. 150, 158, 161, 176, 183, 184, 185). Позднейшим переводчикам — Коуэллу

¹ A. Foucher and J. Marshall, *The Monument of Sāñchi*, тт. 1—3, L., 1940; A. Foucher, *La vieille route de l'Inde de Bactre à Taxila*, тт. 1—2, P., 1942; он же, *Anambhatta, le compendium des topiques...*, P., 1949; он же, *L'art gréco-bouddhique de Gandhāra*, P., 1951.

² С. Олдепбург, Примечание к статье И. П. Минаева «Пересказы некоторых неизданных джатак палийского канона», «Живая старина», вып. IV, СПб., 1891, стр. 121.

и Рис-Дэвидсу, работавшим над палийскими текстами классического издания Фаусбелля, Дж. С. Спейеру, переведшему санскритскую стихотворную «Гирлянду джатак», Ф. Шифнеру, переводившему тибетские легенды, и Э. Шаванну, занимавшемуся китайским буддизмом, — удалось создать более цельные и удобные для пользования публикации. Некоторые из переводчиков, такие, как Фаусбелль, Рис-Дэвидс и Шаванн, — выказали себя также искусными популяризаторами-рассказчиками.

Тем не менее, несмотря на обилие изданий переводов джатак, труд Фуше не теряет от сравнения с ними. Главным достоинством «*Vies antérieures*» бесспорно является систематичность изложения. Выбранные джатаки — а их из одного только палийского (цейлонского) сборника так или иначе использовано до 154 — впервые расположены им по всем тридцати пяти рождением бодисатвы — будущего Будды, иначе говоря — по ступеням его восхождения от низшего животного до высшей касты человеческого общества и затем по десяти категориям «совершенств». Группы рождений соединены в три больших раздела по жанрам. Рассмотрим вкратце это оригинальное и в целом весьма удачное расположение.

Наиболее бесспорным представляется выделение первого раздела — басен; он состоит из трех глав: собственно басни о животных; бодисатва — животное и его отношение к людям; бодисатва — человек и его отношение к животным. Второй раздел — рассказы (фавль) — характеризуется неучастием или слабым участием животных, меньшей назидательностью. По сравнению с джатаками третьего раздела — сказками — рассказы короче, в них реже элемент чудесного. Этот раздел также состоит из трех глав: бодисатва и женщина; бодисатва-женщина; бодисатва развлекается. Если первый раздел больше даст фольклористу, то второй способен привлечь историка быта и нравов. В научном отношении наиболее интересна глава «Бодисатва-женщина». Тезис, заключенный в самом заглавии, составитель обосновывает ссылками на священные изображения соответствующих джатак, где воплощением добродетелей выступает женщина, как ни старались устранить эту возможность буддийские монахи — переписчики и редакторы литературных текстов джатак.

Наименее единообразен и наиболее обширен раздел сказок, куда наряду со сказками в узком смысле — в духе Перро — попали, по признанию самого составителя, — новеллы в манере Боккаччо и путешествия в духе «Тысячи и одной ночи» (известно, впрочем, сколь многим арабские сказки обязаны индийским сюжетам¹). Построение этого раздела показывает интерес автора к истории социальных отношений: глава первая — «Бодисатва и низшие касты», затем «Бодисатва и горожане (*la bourgeoisie*)», «Бодисатва и брахманы», «Бодисатва и знать». Скупые замечания составителя о социальных корнях буддизма дают основание полагать, что он далек от ложной трактовки Гаутамы Будды как социального реформатора и не без основания связывает буддизм прежде всего с торгово-ростовщическими слоями древнеиндийского города (стр. 225, 240).

Последняя и самая крупная глава — «Бодисатва и совершенства» отличается наименьшей четкостью. Это объясняется трудностью выделения джатак, раскрывающих каждое из «совершенств», через достижение которых бодисатва приходит к высшему ясновидению и становится, наконец, Буддой. Одна и та же джатака легко может быть «подведена» под несколько «совершенств» сразу.

Помимо систематичности и уже отмеченного сочетания текста с повременными изображениями, важным достоинством антологии Фуше является широка использованных версий джатак. Составитель, в отличие от большинства других переводчиков и пересказчиков, опирается не только на один, в данном случае палийский, сборник, но и на художественное наследие китайского буддизма (в переводе Шаванна), на тибетские сказки индийского происхождения (в переводе Шифнера), на такие санскритские сборники, как «Гирлянда джатак» (в издании Керна и в переводе Спейера) и более ранние — *Mahāvastū* (в издании Сенара) и непальский *Divyāvadāna* (в изда-

¹ Нет нужды говорить о том огромном влиянии, которое оказали джатаки на развитие светской литературы в самой Индии («Панчатантра» и др.).

нии Коуэлла и Нейла). Подстрочные примечания отсылают читателя ко всем памятникам, воспроизводящим данную джатаку, ее вариант или джатаку, близкую к ней по сюжету или по нравственно-философскому выводу. За этим аппаратом безусловно кроется значительная эрудиция составителя во всей буддийской литературе¹.

Своеобразной особенностью антологии является ее беллетризованный характер, а также большая доля личного, внесенная в нее самим составителем. А. Фуше подает джатаки с параллелями из Лафонтена, с отступлениями автобиографическими и общеполитическими, внося в изложение оттенок юмора. Он предстает здесь перед нами как безусловный гуманист, как ученый, проникнутый искренней любовью и уважением к культурному наследию индийского народа, как противник колониализма, войн и насилия над человеческой личностью.

Антология завершается выпадающим из общего плана переводом этюда одного, ныне уже умершего, индийского ученого, друга Фуше. Фуше разделяет крайне наивную веру этого пандита С. Локешвара в то, что мировая цивилизация будет спасена древнеиндийской добродетелью *a-himsā* — ненасильем, милосердием. Тем не менее само стремление воздействовать на читателя в гуманистическом направлении, не только доставить ему познавательное и художественное наслаждение, но и воспитать его — заслуживает одобрения.

Сказанное, разумеется, не означает, что читатель, подходящий к буддизму с позиций материалистического понимания истории, примет ту трактовку буддизма, какую предлагает составитель в своей обширной и содержательной вводной статье. В особенности наивна аргументация А. Фуше в пользу фактической вероятности... перевоплощения, переселения характеров, множественности жизней. Что касается общего понимания джатак как части буддийского канона и как литературного жанра, их происхождения и датировки, то здесь мы не находим ничего существенно нового по сравнению с высказываниями И. П. Минаева и С. Ольденбурга².

Закрывая антологию Фуше, испытываешь законную досаду по поводу того, что дело, столь блестяще начатое И. П. Минаевым, не закончено и что наш читатель поныне лишен научно комментированного сборника древнеиндийских джатак на русском языке³.

Е. С. Семеха

¹ См. A. F o u c h e r, *La vie du Bouddha, d'après les textes et les monuments de l'Inde*, P., 1949.

² Ср. И. П. М и н а е в, Несколько рассказов из перерождений будды, ЖМНП, ч. 158, 1871, № 11, стр. 87—133; о н ж е, Несколько слов о буддийских джатаках, ЖМНП, ч. 161, 1872, № 6, стр. 185—224; С. О л ь д е н б у р г, Буддийский сборник «Гирлянда джатак» и заметки о джатаках, «Зап. Вост. отд. Имп. рус. арх. об-ва», т. VII (1892), СПб., 1893, стр. 205—263.

³ С индийскими светскими сказками дело, как известно, обстоит лучше — благодаря переводам Р. О. Шор и М. И. Клягиной-Кондратьевой.